

КТО НЕ РИСКУЕТ..

роман

«Кто не рискует, тот не пьёт шампанское»

Катя Леденёва

Кто не рискует...

<https://litres.ru/74614617>

SelfPub; 2026

Аннотация

Никите двадцать. Он живёт на скорости: бары, короткие романы, деньги, которые кончаются так же быстро, как появляются. «Тусуюсь, значит, существую» — его собственная формула жизни, пока однажды утром он не понимает, что устал от себя.

Катя Леденёва

Кто не рискует...

Москва. Тусуюсь,
значит, существую

Бар назывался «Ртуть» — и название попадало в точку: здесь всё было жидким, текучим, без углов. Свет резал глаза, бас долбил в грудь так, что мысли не успевали собраться в предложения. В таких местах жили мои лучшие дни — те, где не надо ничего объяснять, не надо быть кем-то, кроме парня, который умеет зажигать.

Я сидел на высоком стуле, закинув ногу на перекладину, и улыбался так, будто вечер принадлежал мне по праву. Передо мной стоял стакан с чем-то тёмным и крепким — таким, чтобы сразу дало по башке и выключило внутренний голос, который иногда пытался шептать: «А может, хватит?»

— Ещё? — спросил новый бармен, молодой, с взглядом человека, который тут третий день и уже всё видел.

— Да. То же самое. И побыстрее. Хочу, чтобы мир перестал быть таким чётким.

Он молча налил. В этом и была прелесть таких баров: тут не спрашивали, почему ты хочешь забыться. Тут просто на-

ливали.

Рядом возникло что-то яркое — короткое платье, в котором было больше дерзости, чем ткани. Девушка наклонилась так, что её волосы коснулись моего плеча.

— Ты тут сидишь такой... напряжённый, — перекрикнула она музыку. — Будто ждёшь, что сейчас что-то случится.

— Я не напряжённый. Я заряженный. Просто жду правильного момента.

Она рассмеялась — громко, нарочно, чтобы все вокруг заметили: вот она, та, которая не боится подойти к парню у стойки. И потянула меня за руку в танцпол. И я пошёл. Потому что в такие моменты думать было вредно. Надо было двигаться, чувствовать ритм, позволять себе не быть тем, кто однажды должен будет всё это объяснить.

Мы танцевали, и мир сжался до баса, пробивающего пол, до мутного света и тепла её тела в полуметре от меня. Я не помнил, сколько прошло времени — час, три, целую вечность. Проблемы, дедлайны, разговоры, которые предстояло вести, — всё осталось за стеной, в другом мире. Я чувствовал знакомый азарт — тот, от которого кровь гудит в ушах. Только сейчас он был не про деньги и не про победу. Он был про неё.

— Если ты сейчас не отойдёшь на шаг, я не буду отвечать за своё самообладание, — прошептал я ей в висок.

Она подняла глаза — и в них не было ни капли смущения. Только вызов. Вечер понёсся дальше, как поезд без тормо-

зов. Потом улица, холодный ветер, который только обострял всё, что я чувствовал.

— Поезжай ко мне, — сказал я тихо, но твёрдо. Не вопрос — предложение, сделанное так, как я привык делать всё: без страховки, на всю ставку.

— Поехали.

Машина стоит у входа, мигая жёлтым. Дождь стучит по крыше, стёкла запотевают, дворники чертят круги. Она садится ближе, чем нужно, и кладёт голову мне на плечо, пытаясь нежно водить рукой по моей ноге. Со стороны выглядит нелепо этот соблазн, но он работает. Крепкие напитки уже ударили по нашим головам, будто кувалдой и полностью сути всего мы не осознавали.

— Знаешь, что самое смешное? — говорит она в темноте салона. — Я тебя никогда больше не увижу. По статистике. — Почему? — Потому что так всегда бывает. Классная ночь, такси, утро, «я напишу». Никто не пишет.

Утро ударило по вискам резко и безжалостно. Я открыл глаза и несколько секунд не мог понять, где я. Комната была чужой, светлой, с мелкими деталями, которых не помнил: кружка с надписью «Лучший день», плед в полоску, фигурка кота на тумбочке. Рядом спала та самая девушка из бара, на губах застыла лёгкая улыбка. Пахло цитрусом и жасмином — теперь слишком резким, навязчивым.

Голова гудела, во рту был привкус вчерашнего вечера, а в груди — странное, колющее чувство, которое я тут же загнал

подальше.

«Это просто похмелье, — сказал я себе. — Обычное похмелье. Ничего особенного».

Я осторожно сел. Телефон мигал непрочитанными: Стас: «Где ты? Мы в другом баре». Натя: «Ты опять пропал?» Ещё пара имён, чьи лица я уже не мог вспомнить. Я всё пролистал вниз, не читая.

Девушка приоткрыла глаза:

— Ты уже проснулся? Останься ещё на пять минут. Тут так тихо...

Я хотел сказать «да». Хотел снова включить ту самую улыбку. Но вместо этого покачал головой:

— Прости. Мне надо идти. Дела.

Она не обиделась. Просто кивнула, будто знала, что так и будет.

— Ладно. Если захочешь повторить — ты знаешь, где меня искать.

На улице было прохладно, город только просыпался, и в этой тишине я впервые за долгое время услышал себя. И то, что я услышал, мне не понравилось: этот ритм — вечеринка, утро, побег — стал слишком привычным. Я заглушил мысль привычным оправданием: «Ну, я же живой. Я тусуюсь. Значит, существую».

Такси везло меня через пустую Москву, и в окне мелькали подъезды, витрины, светофоры. Я смотрел на своё отражение в стекле — помятое, в куртке, пропахшей табаком и

бергамотом, — и поймал себя на том, что не могу вспомнить, когда последний раз просыпался не с похмельем. Не от того, что надо куда-то бежать, а просто от света.

Впервые за очень долгое время мне стало немного страшно. Не от последствий — от вопроса, который до этого утра я умел не слышать: «А что дальше?»

Так он и жил — на адреналине, на ритме, на том самом «сейчас», которое не давало времени думать о будущем. И пока ему этого хватало.